

УДК 373.(091)

А. Д. Копытов, Л. М. Найбороденко

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТОМСКОГО ГУБЕРНСКОГО СОВЕТА ПО ПРОСВЕЩЕНИЮ НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ (1920–1925 ГГ.)

На основе литературы и архивных источников раскрываются сложные процессы гармонизации межнациональных отношений на основе осуществления равного права наций на образование, освещается ценный исторический опыт деятельности советских органов в Томской губернии в 1920-е годы по просвещению национальных меньшинств, открытию национальных школ, подготовке педагогического персонала.

Ключевые слова: *межнациональные отношения, толерантность, национальные меньшинства, просвещение, национальные школы, исторический опыт.*

К актуальной проблеме толерантности – гармонизации межнациональных отношений на основе осуществления равноправия наций, в том числе и в области образования, – обращались исследователи Ф. Ф. Шамахов, Л. А. Голишева, Т. А. Костюкова, И. В. Нам, Н. И. Наумова, Л. И. Некрасова и др. [1–5]. Авторы представили сведения о численности нацменьшинств в Сибири, Томской губернии, показали некоторые черты жизни малых народов, осветили состояние их просвещения до революции 1917 г., касались вопросов создания учебных заведений для детей татар, украинцев, латышей и других народов в 1920–1940-е гг. Вместе с тем важные аспекты указанной темы не освещены, в частности, такие, как сложности в создании школ для детей националов, особенности деятельности губсовнацмена в первой половине 1920-х гг., подготовка учительского персонала. Учитывая, что исторический опыт деятельности губернских органов образования в 1920-е гг. может быть востребован в современных условиях, авторы намерены, опираясь на документы, извлеченные из Государственного архива Томской области, а также на опубликованные материалы, осветить отмеченные вопросы, исторически реконструировать указанные процессы.

Томский губернский совет по просвещению национальных меньшинств (губсовнацмен) был создан в начале 1920 г. в структуре Томского губернского отдела народного образования в соответствии с постановлением Народного Комиссариата по делам национальностей, который опирался на Декларацию прав народов России. Последняя предусматривала обучение грамоте детей, молодежи на родном национальном языке. Наряду с совнацменом в Томской губернии действовали национальные секции при партийных и советских органах, они стремились согласовать свою работу. Деятельность же просвещенческого совета имела свою специфику, это была работа по открытию новых школ в национальных районах, снабжению их учебниками, подготовке педагогического персонала, введению новых учебных программ, коренной

перестройке всего учебного дела в соответствии с решениями Наркомпроса 1918–1919 гг.

Совет по просвещению нацменьшинств в начале 1920-х гг. возглавлял З. С. Гайсин, татарин по национальности. В структуре Совета были созданы секции: литовская, украинская, татарская, чувашская. Руководителями секций были представители соответствующих наций, имевшие педагогическое образование, опыт преподавания и организаторские способности. Под руководством губсовнацмена в уездах работали сначала национальные секции при уездных отделах народного образования, затем после введения нэпа там трудились инспектора. Совет по просвещению нацменьшинств учитывал многонациональный состав населения в Томской губернии. Демографической переписью 1920 г. в Томске и губернии было зарегистрировано 65 народностей, из которых 15 были представлены сравнительно крупным численным составом, включающим около 25 % населения губернии [6, с. 190]. Вместе с тем он опирался на традиции, опыт дореволюционного национального просвещения в Томске и губернии. В Томске в 1917 г. работали три татарских начальных училища, одно еврейское, одно лютеранское, в сельской местности преобладали татарские школы. В новых условиях, в начале 1920-х гг., вставала задача образование детей националов массовым явлением, обеспечив все районы их компактного проживания школами с преподаванием на родном языке. Уровень грамотности национального населения был намного ниже, чем русского. Так, наиболее грамотными были татары, 10 % из них умели читать и писать [7, с. 172].

Решение отмеченных проблем происходило в труднейших условиях незавершившейся полностью в Сибири в начале 20-х гг. XX в. Гражданской войны, разрухи, введенного в 1921 г. нэпа. Так, в декабре 1921 г. на коллегии Томского Губнаца по докладу его председателя Вайно отмечалось, что благодаря его нажиму в Москве «удалось срочно перевести ассигновки по сибирским Губнацам». Кроме того, удалось решить вопрос о снабжении

татаро-шорского населения оружием и огнеприпасами для охоты. В связи с финансовым кризисом в Москве был поднят вопрос о ликвидации многих губнацев, было намерение оставить только уполномоченных. На коллегии дано обоснование сохранения национальных отделов при советских органах: сибирские националы не получили своего национально-государственного устройства, как это было в европейской части страны; кроме того, они являлись поставщиками меха, идущего на экспорт. Однако пришлось все-таки сократить штат Томгубнаца «в связи с назначением для Губнаца и Уотнацев только 15-ти пайков» – оставили не более 14 человек, уволили 4 сотрудника. Щегловскому, Мариинскому и Кузнецкому уездным национальным отделам предложили сократить штат до трех человек. Важным было решение о направлении экспедиции в Нарымский край. Начальником ее назначили члена коллегии Вайно, в состав экспедиции включили Абдрафикова, инструктора отдела, Шварца, уполномоченного по Нарымскому краю [8, л.л. 25, 25 об]. Важным условием успешной работы Губнаца было получение им права занять дом № 3 по ул. Большой Королевской в Томске. В доме было разрешено открыть общежитие [9, л. 13].

Обострение финансовых проблем в начале 1920-х гг. привело к реорганизации коллегии Томгубнаца в октябре 1922 г., подраздел нацмен Томского губкома РКП вошел в состав Губотнаца, советского органа. Итогом реорганизации Губернского отдела по делам национальностей стало создание его коллегии из пяти человек: завгуботнацем Вайно; заместитель его Шварц; зав. подразделом нацмен при Губкоме РКП Скворцов; предсовнацмен при Губернском отделе Гайсин; губинструктор по работе среди татарского населения Шарыпов. Состав коллегии был утвержден губкомом РКП [10, л. 15]. Коллегия в новом составе 16 ноября 1922 г. обсудила доклад предсовнацмена Гайсина о культурно-просветительной работе в губернии. Постановление коллегии проливает свет на состояние дел с просвещением нацменьшинств. Совету было предложено наладить учет детей, школ, открытых в уездах, было поручено изыскать средства для снабжения школ учебниками, принять срочные меры к открытию в течение месяца школ, включенных в школьную сеть, приступить к информации всех губерний Сибири об учреждении в Томске татарско-киргизского техникума, укомплектовать штат инструкторов Совета. Остро звучит мысль о помощи Совету от парторганов: он просил «о нажиме через секретарей Укомов на заведующих Уоно за недопустимо-халатное отношение к просвещению нацмен...». Было предложено Губоно выделить одну ставку разъездного губернского инструктора совнацмену. На коллегии стоял и во-

прос о религиозных школах среди мусульман в связи с документом Наркомнаца от 23 октября 1922 г. Решение звучит кратко: принять к сведению и руководству. Вернее всего, что религиозные школы не приветствовались [11, л.л. 18, 18 об].

Итак, органы, ведавшие делами националов, вели кропотливую работу по их консолидации и просвещению. В годы революции в Томске существовали национальные организации различного направления: политические, культурные, просветительские. После восстановления советской власти во второй половине декабря 1919 г. они были ликвидированы, но стали создаваться новые, поддерживающие советскую власть, партию большевиков: клубы националов, интернациональный клуб и др. Тем не менее нужны были меры по консолидации нацменьшинств на платформе советской власти. Важной акцией в этом направлении явилась Губконференция работников Совнацмена. Она тщательно готовилась. Так, 6 февраля 1923 г. на коллегии Томского губернского отдела по делам национальностей был рассмотрен вопрос о созыве конференции. Коллегия утвердила дату ее проведения, установила норму представительства, определила повестку дня: доклад из Губцентра о Всероссийском съезде представителей Совнацменов; доклады с мест; план работы совнацмена; «поднятие квалификации работников просвещения нацмен и подготовка нового кадра» [12, л.л. 40, 40 об].

В начале марта 1923 г. в помещении интернационального клуба на городском собрании работников просвещения нацменьшинств состоялись выборы делегатов на Губконференцию. Были избраны по одному делегату от 10 работников просвещения следующие представители: от украинцев – Павловский, от латышей – Берзин, от татарских детдомов – Агдамова, от евреев – Гарбавец, от немцев – Юккер, от эстонцев – Вайно, от татарских школьных организаций – Шарыпов. В числе делегатов оказались штатные сотрудники Губотнаца, остальные организации имели право послать делегатов с совещательным голосом [13, л. 130].

Конференция состоялась 16–18 марта 1923 г. В ней приняли участие работники просвещения нацменьшинств всей Томской губернии. Отметив правильность общей линии в деятельности просвещенцев, конференция выделила недостатки: крайне слабую связь с местами, недостаточное внимание уездных отделений Губоно к нуждам просвещения среди нацмен. Было предложено «принять решительные меры к устранению всех недочетов в работе, довести штаты совнацмена до нормы». Конференция дала поручение Губсовнацмену «возбудить ходатайство перед Наркоматом просвещения о продлении срока обучения в школах нерусского языка на один год, т. е. в школах первой сту-

пени 4-летнее обучение установить пятилетним с целью в последний год дать детям нацмена возможность усвоить русский язык и общеобразовательные предметы по терминам русского языка, содействовать безболезненному переходу в школу второй ступени». Была отмечена и крайне слабая подготовка педагогов национальных школ, полное отсутствие у них понятия об общественно-политических науках. Поэтому было предложено организовать для учителей трехмесячные курсы по их переподготовке. Педагогов, обучающихся детей националов западной культуры, рекомендовалось направлять на курсы в центральные учебные заведения. Важным было и решение конференции о закреплении земельных участков за национальными школами. Школьным советам предлагалось выписывать прессу на родном языке. Всем работникам просвещения на основе добровольного членства предлагалось вступить в профсоюз – Рабпрос [14, л.л. 44, 44 об].

Становление системы просвещения национальных меньшинств в губернии между тем сопровождалось значительными трудностями, если не сказать, препятствиями, чинимыми русскими представителями органов народного образования, в частности Томского УОНО. Так, обратившиеся в Губоно делегации крестьян из нацмен осенью 1923 г. сообщили, что ряд существующих школ нацмен Томским УОНО были исключены из школьной сети и были закрыты. За счет них вновь учреждались школы в русских местностях. Были закрыты татарские школы в д. Серебряково Петуховской волости и в юртах Чернореченка и Казанка Чатской волости и др., несмотря на то, что эти школы работали прежде в течение целого ряда лет. Закрытие школ происходило без предварительного согласования с Совнацменом или уполномоченным его при УОНО по малейшим поводам: недостаточно полное или несвоевременное выполнение населением заключенных им на содержание школ договоров (Чернореченка с весьма малочисленным и обнищавшим населением); школа не отремонтирована в достаточной степени (Казанка) и т. д. Имелись факты игнорирования прав уполномоченного Губсовнацмен при УОНО и национальных меньшинств: назначение и увольнение учителей нацмен без предварительного согласования с уполномоченным Губсоцнацмена; лишение возможности отправить в командировку для обследования нацменовских школ из-за отсутствия якобы для таких поездок средств, в то время как инструкторы Соцвоста и Политпросвета почти беспрерывно находились в командировке; оплата труда уполномоченна была ниже ставок других инструкторов УОНО и проч. Мариинский УОНО упорно не желал иметь в своем штате уполномоченного Совнацмен. Губсов-

нацмен вынес протест против изложенных действий УОНО. Совет по просвещению нацмен просил коллегию ГубОНО в срочном порядке сделать распоряжение о восстановлении закрытых школ и недопущении в дальнейшем подобного рода явлений, объявил выговор зав. УОНО Кашину [15, л. 1].

Вопрос о неправильном действии Томского УОНО, выразившемся в закрытии школ нацменьшинств без санкции Совнацмена осенью 1923 г., был рассмотрен на коллегии ГубОНО 23 ноября 1923 г. В документе отсутствует доклад Гайсина по отмеченному вопросу, но есть жесткое решение: вопрос с обсуждения снять и поручить его комиссии в составе Гайсина, Орлова и Кашина, заключение комиссии предоставить на утверждение следующего заседания коллегии. Важным было и решение уравнивать ставку инструктора нацмен при УОНО к ставке инструктора первого разряда [16, л. 54].

Кроме отмеченных выше трудностей в работе Губсовнацмена, проблемы были и с его финансированием. В соответствии с Положением о Губсовнацменах Совету по просвещению нацменьшинств было предоставлено право на выделение из кредитов, отпускаемых в распоряжение ГубОНО, соответствующей доли для Губсовнацмен. Но при реальном осуществлении этого права замечалась со стороны ГубОНО тенденция его игнорирования. Так, при выписке учебников за счет отпущенных ГубОНО Губисполкомом специальных средств в сумме 17 000 рублей золотом учебники для совнацмена на 4 100 рублей остались невыписанными. Совершенно отсутствовал в ГубОНО учет сумм, идущих специально на содержание нацменовских учреждений. Это обстоятельство не давало возможности быть в курсе дела относительно размеров этих сумм и ставило Губсовнацмен в затруднение при информировании о подобных вопросах Совнацмена Наркомпроса. Совет просил зав. ГубОНО учитывать средства, выделяемые на содержание специально нацменовских учреждений, конкретно определить размеры этих средств [17, л. 8 об].

Деятельность Томгубсовнацмена осложнялась слабой связью с его органами на местах. Уполномоченные Совета в 1923 г. были только в Мариинском и Томском уездах, в остальных уездах губернии вопросами просвещения националов должны были весть отделы народного образования. Однако, будучи заняты реорганизацией школ в русских селах, они не уделяли должного внимания просвещению детей нацменьшинств. Совет не получал важных сведений о переводе школ с преподаванием на русском языке в селах с компактным проживанием националов на языки национальные, поэтому на своем заседании просил коллегию ГубОНО принять меры к предоставлению сведений об открытых школах на национальных языках, о коли-

честве нужных для них учителей [18, л. 7].

Для просвещения детей нацменьшинств, открытия школ нужна была литература на национальных языках. Вопрос стоял остро. Документы ГАТО свидетельствуют об этом. Вот один из них, подписанный заведующим чувашской секцией Томгубнаца Петром Евсевьевичем Евсевьевым 20 июля 1921 г.: «В Губнаробраз, Совнацу. Чувашский подотдел Томгубнаца просит Томгубнаробраз отпустить для 7-и чувашских школ Михайловского района Кузнецкого уезда учебных пособий в необходимом и возможном количестве по списку, прилагаемому при сем. Требование Михайловской чувашской секции РКП» [19, л. 9]. Подобные просьбы звучат и в документе от 2 сентября 1921 г.: «Зав. чувашским подотделом Головину. Будь так добр выдать по одному экземпляру из чув. литературы для руководителя секции» [20, л. 4].

Итак, трудностей в национальном просвещении было очень много. Но самой сложной была проблема подготовки учителей для национальных школ. Нельзя отметить, что их вообще не было, они были, а некоторые были просто опытные, даровитые. Один из них П. С. Потинев 19 сентября 1921 г. обратился к П. Е. Евсевьеву, «чувинструктору», с просьбой выслать учебники в деревню Михайловку Карачумышской волости Кузнецкого уезда, причем учитель просил достать учебники для школ повышенного типа, так как строил планы просвещения не только детей, но и вообще всего населения района. «Достаньте хотя бы по одному экземпляру каждого учебника... На будущий год желаю пустить в ход хотя бы подготовительную группу школы II ступени и думаю пробудить в самом населении дух искательства истины, чтобы на школы чуваша не смотрели как на нечто подозрительное, а как на храм, где учатся только полезному. Так как принцип единый трудовой школы требует все пройденное применить на практике, то весьма желательно с будущей весны наладить трудовые процессы. Прошу выхлопотать... право на забронирование из продналога в каждом чувашском селении соответствующее количество семян. Создав посредством трудовых процессов производительные, мы сможем быть гарантированными в том, что учителя и учащиеся не будут во время уроков заботиться о куске хлеба, а будут все внимание напрягать во имя интересов школы. Прошу это сделать немедленно: до выкачки продналога» [21, л.л. 14, 14 об.]. Документ показывает педагога творческого, заинтересованного в развитии и воспитании детей, мечтающего о школе как храме знаний, знающего принципы единой трудовой школы, понимающего последствия нэпа, предлагающего меры по их преодолению для его родной школы.

Но не все учителя национальных школ были та-

кого уровня. В фонде ГубОНО в ГАТО можно встретить необычный документ от 25 мая 1925 г.: «Предсовнацмен при Томской Губоно. От Баязитова Хуллята. Прошу Совнацмен назначить меня слушательницам тат курсы по переподготовку школьных работников. Имею 5-ти летн. учительская практика и проходил педагогических курсы в 1919–20 годах в г. Томск, но не удалось прибыть мне на курсы в 1923–24 году так что с грудной ребенки не было возможность. Считая учительство своей профессией необходимо ознакомиться современной методы и системы работы школ. Надюсь что мы как отсталые наци Совнацмен не оставит мой просьбу без внимание. Х. Баязитова. 29.05.1925 г.» [22, л. 68]. Комментарии здесь излишни. Среди учителей татарских школ Томского уезда имели место случаи уклонения от своих обязанностей. Так, в 1923 г. учителя Тахтамышевской школы Мустафин и Чернореченской Саяров «халатно относились к учению детей», имели место их «отлучки» в город на 3–4 дня: Мустафин в октябре учил детей только одну неделю, а в ноябре – даже не начинал. Между тем учителя хлеб от населения получили по 1 ноября, а сами исчезли, и жители не знали, где они есть. На заседаниях Чатского волисполкома Томского уезда 15 ноября 1923 г. в составе председателя Казакова, членов Ананьева и Мухамеджанова было принято решение просить в Тахтамышево и Черную Речку новых учителей, а Мустафина и Саярова за их злоупотребления «снять со всех должностей учителя» [23, л. 23]. Неважно дела обстояли с педагогами и в некоторых детских домах [24, л. 46].

В фондах ГАТО не удалось выявить статистики о численности учителей национальных школ, об уровне их профессиональной подготовки. Несомненно, что часть учителей была достаточно профессионально образована. Однако приведенные выше факты свидетельствуют о низком педагогическом уровне большинства учителей. В начале 1920-х годов национальные школы открывались в значительном количестве, причем создавались они в соответствии с документами Наркомпроса 1918–1919 гг. на основе ГУСовских учебных программ. Трудности при этом испытывали опытные учителя русских школ, а начинающие педагоги национальных – тем более. Выход из создавшегося положения был в подготовке новых учителей и переподготовке тех, кто давно работал в школе. Указанная проблема с педагогическим персоналом стояла в Томске, губернии еще до революции 1917 года. Ее начали решать в ходе революции, в 1917 г. в Томске была открыта Татарская учительская семинария. В 1924 г. на ее основе был открыт Татаро-киргизский педагогический техникум, вопрос о деятельности которого освещен в литературе. Техникум работал до 1956 г., был закрыт потому, что к

этому времени национальных татарских школ почти не осталось.

В 1920-е гг. на первое место в подготовке учителей национальных школ выступали курсы повышения квалификации учителей в силу того, что ускоренными методами обеспечивали учителей методическими и общественно-политическими знаниями. Особенно ценными были специальные национальные курсы. Такие курсы состоялись в Томске в 1925 г. Это были сибирские областные курсы по переподготовке учителей татарских школ. Был разработан учебный план курсов из пяти циклов: организационного, производственно-обществоведческого, методического, социально-политического и естественно-научного циклов. Последний включал практические занятия по татарскому языку и литературе, методике их преподавания, русскому языку и методам его изучения в татарской школе, а также математике. Всего по учебному плану необходимо было вычитать 330 часов. Вставали трудности: не было лекторов, которые бы владели татарским и русским языком, методикой их преподавания, а также общественно-политической проблематикой. Сложности были и с финансированием курсов, 75 человек планировалось обучить со всей Сибири, от Томской губернии – 20, всего по смете требовалось 2373 рубля 13 копеек. Смета включала: зарплату лекторам – 672 рубля, питание курсантов – 780 рублей, учебные пособия – 360 рублей, издание отчета о курсах – 300 рублей и др. Курсантам предлагалось иметь при себе посуду и постельные принадлежности. Общежитием томичи готовы были обеспечить всех 75 учителей. Сибирским ГубОНО рекомендовалось выдать деньги учителям на обратный путь. Руководители Томского ГубОНО Кашин и предсовнацмен Динмухаметов настойчиво просили Наркомпрос помочь в финансовом отношении [25, л.л. 32, 33, 56а, 31, 31а, 3, 3 об, 4].

Трудности в переподготовке учителей вынуждали руководителей совнацмена искать компромиссные варианты. Одним из них были татарские секции на губернских курсах. Татарские учителя слабо понимали русскую речь и поэтому плохо усваивали лекции на курсах. На своей же секции изучали орфографию (в документе «а» вместо «о» в начале слова), правописание в татарском языке, литературу, применение материалистического метода по изучению истории татар и ислама. Чтение лекций и руководство кружками было поручено Аязову и Аюханову. Решение о выделении татарской секции в губернских курсах опиралось на утвержденную постановлением коллегии Наркомпроса от 26 февраля 1924 г. резолюцию I Всероссийского съезда Губсоменов [26, л. 44 об]. Таковыми были меры по переподготовке педагогов нацио-

нальных школ. Они не могли исчерпать проблему дефицита и уровня их профессионализма.

Итак, первая половина 1920-х гг. для Томского ГубОНО, его совета по просвещению детей нацменьшинств была трудным периодом по созданию сети национальных школ. Главные проблемы состояли в новизне дела: нужно было открыть много новых школ на огромной территории Томской губернии с ее многонациональным составом; структура Губсовнацмена была слабой, на местах было лишь 2 уполномоченных – в двух уездах; контакты с уездами поддерживались трудно; в связи с нэпом, голодом финансирование всех потребностей школ было сильно сокращено; подготовленные педагоги почти отсутствовали, их обучение и переобучение тормозились недостатком средств, имел место «зажим» нацмен со стороны великороссов в ГубОНО и на местах. При получении повышенного и профессионального образования национальная молодежь ущемлялась в правах, ее не принимали на национальный рабфак ТГУ, ей трудно было пробиться в вузы – тогда в них принимали преимущественно членов РКСМ и РКП, а выходцы из нацменьшинств таковыми в своих селах не являлись. Несмотря на огромные трудности, Томский губсовнацмен наметил «к составлению на госснабжение в 1922–23 учебном году следующую сеть школ по отделу социального воспитания ГубОНО [27, л.л. 17, 18]: украинских – 19, латышских – 14, эстонских – 12, немецких – 3, мордовских – 6, чувашских – 20, тюрко-татарских – 49, татаро-тюркских и телеутских – 19, остятских – 5, еврейских – 2, марийских – 4, вятских – 1, зырянских – 1, всего 156 школ [27, л. 44 об].

Между тем историки Н. И. Наумова, И. В. Нам предлагают иную статистику по национальным школам, правда, они пишут о «Томской земле», видимо, ограничивают территорию, местонахождение школ современной Томской областью; период обозначен иной: 1920-е гг. По их сведениям, в эти годы работал тюрко-татарский техникум, 63 начальных татарских, 8 еврейских, 10 эстонских, 6 чувашских, 3 польских, 2 белорусско-литовских, 1 немецкая школа. В течение 1930-х гг. почти все национальные общества, религиозные общины, большинство национальных школ, отмечают указанные авторы, перестали существовать [28, с. 493–494]. Причины этого кроются в тех трудностях, с которыми они открывались. Из этого видно, что уровень обучения в национальных школах не позволял их выпускникам без хорошего знания русского языка продолжить образование в русских техникумах и вузах. 1930-е годы в нашей истории были трагическими, полными репрессий против крестьянства, религиозных конфессий, борьбы с «врагами народа», буржуазным национализмом,

под этот молох попадали и национальные меньшинства. Тем не менее исторический опыт удовлетворения потребностей национальных меньшинств в создании их школ, обучении детей на национальном языке весьма поучителен. Он показывает, что «отсталые нации», как ранее говорили, с

благодарностью принимали возможность осваивать свой язык, развивать культуру, литературу. В трудный период 1920-х – начала 1930-х гг. это снимало национальную напряженность, исключало конфликты на межнациональной почве, утверждало толерантность.

Список литературы

1. Школа Западной Сибири за 50 лет Советской власти / под общ. ред. проф. Ф. Ф. Шамахова. Новосибирск, 1970. 396 с.
2. Голишева Л. А. О деятельности национальных секций и отделов в 1920–1922 годах. Томску 375 лет. Томск, 1979. С. 190–201.
3. Костюкова Т. А. Образование томских татар: история и современность. Шамаховские чтения // Материалы конф., посвящ. 100-летию со дня рождения Ф. Ф. Шамахова «Научное наследие Ф. Ф. Шамахова: история и современность». Томск, 2001. С. 88–96.
4. Наумова Н. И., Нам И. В. Национально-культурная организация // Энциклопедия Томской области. Т. 2. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2009. С. 493–494.
5. Некрасова Л. И. Применение российского опыта финансирования образования 1920-х годов к современным условиям // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2004. Вып. 4. С. 61–65.
6. Голишева Л. А. Указ.соч. С. 190.
7. Шамахов Ф. Ф. Указ. соч. С. 172.
8. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф.р. 28. Оп. 1. Д. 1246.
9. ГАТО, ф.р. 28, оп.1, д.1246.
10. ГАТО, ф.р.28, оп.1, д.1246.
11. ГАТО, ф.р. 28, оп. 1, д.1246.
12. ГАТО, ф.р.28, оп.1, д.1273.
13. ГАТО, ф.р. 28, оп.1, д.1273.
14. ГАТО, ф.р.28, оп.1, д.1273.
15. ГАТО, ф.р.28, оп.1, д.1268.
16. ГАТО, ф.р.28, оп.1, д.1282.
17. ГАТО, ф.р.28, оп.1, д.1268.
18. ГАТО, ф.р.28, оп.1, д.1268.
19. ГАТО, ф.р. 28, оп.1, д.1250.
20. ГАТО, ф.р.28, оп.1, д.1250.
21. ГАТО, ф.р.28, оп.1, д.1250.
22. ГАТО, ф.р.28, оп.1, д.1288.
23. ГАТО, ф.р.29, оп.1, д.1282.
24. ГАТО, ф.р. 28, оп.1, д.1282.
25. ГАТО, ф.р.28, оп.1, д.1288.
26. ГАТО, ф.р. 28, оп.1, д.1282.
27. ГАТО, ф.р.28, оп.1, д.1273.
28. Наумова Н. И., Нам И. В. Указ. соч.

Копытов А. Д., член-корреспондент РАО, профессор, доктор педагогических наук, директор.
ФГНУ «Институт развития образовательных систем» РАО.
Пр. Комсомольский, 75, Томск, Россия, 634041.

Найбороденко Л. М., кандидат исторических наук, доцент, ст. научный сотрудник.
ФГНУ «Институт развития образовательных систем» РАО.
Пр. Комсомольский, 75, Томск, Россия, 634041.
E-mail: sibinedu@tspu.edu.ru

Материал поступил в редакцию 07.02.2012.

A. D. Kopitov, L. M. Nayborodenko

**THE ACTIVITY OF TOMSK GUBERNIAL COUNCIL IN THE FIELD OF ENLIGHTENMENT
OF NATIONAL MINORITIES (1920–1925)**

In the paper the complex processes of interethnic relations harmonization due to equal educational rights of nationalities are revealed on the basis of literature sources and archives. Valuable historical experience of Soviets state authorities activity in Tomsk gubernia in 1920s in the field of the enlightenment of national minorities, school establishment for nationalities, teachers training is described.

Key words: *national minorities, tolerance enlightenment, ethnic schools, interethnic relations, historical experience.*

Kopitov A. D.

FSSI «Institute for Development of Educational Systems» RAS.

Pr. Komsomolskiy, 75, Tomsk, Russia, 634041.

Nayborodenko L. M.

FSSI «Institute for Development of Educational Systems» RAS.

Pr. Komsomolskiy, 75, Tomsk, Russia, 634041.

E-mail: sibinedu@tspu.edu.ru